

ПОЛИТЭКОНОМИЯ

УДК: 330.3

JEL: O 10, D 50

Валерий Геец

ОТ ТУРБУЛЕНТНОСТИ К ЛАМИНАРНОЙ ДИНАМИКЕ НА ОСНОВЕ РАВНОПРАВНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

В статье нестабильность рассматривается как трансцендентальный феномен, имеющий признаки иррациональности, вышедший за рамки течения фаз экономических кризисов и охвативший все общество, государство и экономику. В итоге возникает глобальная турбулентность, проявляющаяся в постоянно обновляющихся флуктуациях, возникающих в результате столкновения личных, корпоративных, национальных и других интересов.

Турбулентность в "новой реальности" общественного развития – результат продвижения абсолютизированной непревзойденности свободного рынка, натолкнувшегося на неудачу его глобализации, что породило стремление к национальному протекционизму. В соотношении глобального – как "мира без границ", и национального – как способа защиты, путём национального интервенционизма проявляется противопоставление "монизации" и "фрагментации", что углубляет турбулентность и порождает проблему глобального управления. Выход из создавшегося положения на пути социализации как способа перенесения общественного в становление и развитие способности самоорганизующейся индивидуальности осуществляют сознательное, экономическое, социальное и этическое действия. Последние являются необходимым условием формирования ламинарной динамики развития общества, государства и экономики. Результатом вышеуказанных экономических, социальных и этических действий будет добросовестная конкуренция, социализация на основе свободы деятельности, саморазвития, самоорганизации и формирования способности, позволяющей находить пределы власти общества и государства, что должно обеспечивать реализацию возможностей как для экономической, так и политической конкуренции.

Ключевые слова: глобальная турбулентность, национальный протекционизм, ламинарная динамика развития, социализация.

FROM TURBULENCE TO LAMINAR DYNAMICS ON THE BASIS OF EQUAL COMPETITION

Valeriy Heyets (gvm@ief.org.ua) Dr. Econ. Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Ukraine; Director of the Institute of Economics and Forecasting of the National Academy of Sciences of Ukraine. OrCID: 0000-0002-2895-6114

Геец Валерий Михайлович (gvm@ief.org.ua) д-р экон. наук, проф., академик НАН Украины; директор ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины". OrCID: 0000-0002-2895-6114

Цитирование: Геец В. М. От турбулентности к ламинарной динамике на основе равноправной конкуренции. *Экономическая теория*. 2022. № 3. С. 5–28.

© В. Геец, 2022

ISSN 1811-3133. *Экономическая теория*. 2022. № 3: 5–28

The article considers instability as a transcendental phenomenon with signs of irrationality, which has gone beyond the phases of economic crises to engulf the entire society, state and economy. As a result, a global turbulence arises, manifested in repeated fluctuations caused by the clash between personal, corporate, national and other interests.

The turbulence in the "new reality" of social development is a result of the propagation of the alleged unsurpassedness of the free market, which in reality faces the failure of its globalization, which in turn gives rise to aspirations for national protectionism. The author considers the relationship between the global largely associated with the "world without borders", and the national, which uses interventionism as a way of protection, as an opposition of "monization" and "fragmentation", which further deepens the existing turbulence and gives rise to the problem of global governance.

The author associates the way out of the current situation with socialization, as a way of transferring the social into the formation and development of a self-organizing individuality, who performs conscious economic, social and ethical actions. The latter are a necessary condition for a laminar development of society, state and economy. Such economic, social and ethical actions would result in a fair competition and socialization based on the freedom of activity, self-development, self-organization and the ability to find the limits of the power between society and state, which should ensure economic and political competition.

Key words: global turbulence, national protectionism, laminar dynamics of development, socialization.

Введение

Изменения, с которыми международная политическая система, весь "мировой порядок" столкнутся в ближайшие десятилетия, в значительной степени будут обусловлены изменениями парадигмы экономического развития и, соответственно, политического, поскольку нестабильность в экономике в глобальном измерении вышла за рамки ограниченного существования в течение фаз экономических кризисов и превратилась в трансцендентальный феномен, то есть приобрела признаки иррациональности, из чего следует, что нестабильность уже можно рассматривать как отправную точку в рассуждениях. Нестабильность бесконечно повторяется в измененной форме. Такое понимание признаков нестабильности и её сущности соответственно требует осуществить переход от экономической зависимости к трактовке самого существования нестабильности, в основе которого лежит единство всего сущего, для которого характерна подобное видоизменение среди таких феноменов, **как общество, государство, экономика**. Как результат порождается турбулентность, характеризующаяся глобальностью проявления.

Нестабильность в экономике **прогрессирует** и всё более и более влияет на общество и государство в большинстве стран как мегатренд, который, развиваясь, обостряет конкуренцию и противостояние. Последнее в долгосрочном отношении может минимизироваться из-за последовательного отхода от доминирования экономизированного развития взаимодействия вышеуказанных феноменов путём социализации индивидуумов как способов усвоения общественных форм, благодаря чему осуществляется взаимодействие, и выход из иррациональности трансформируется и приобретает рациональные признаки поведения ламинарного характера, то есть характера, в котором нет места беспределности поведения.

Благодаря им человек мобилизуется к деятельности, в которой он одновременно выступает членом общества, гражданином государства и субъектом экономики. В конечном итоге можно ожидать отхода от так

называемой регуляции, основывающейся на жёсткой конкуренции, и – таким образом – минимизации жёсткой конкуренции среди политиков, а также преодоления корыстолюбия деловых и финансовых элит, благодаря которым возникают перемешивания, неожиданные пульсации в развитии, усиливающие турбулентность.

В результате нас может ожидать совершенно "новая нормальность" XXI века, однако её становление будет проходить нелегко и не безболезненно.

1. Турбулентность в "новой реальности" общественного развития

Турбулентность в общественном измерении как нерегулируемое перемещение её составляющих является результатом нерегулярных, но всё новых и новых флуктуаций, возникающих в результате жизнедеятельности разнонаправленных общественных сил, действующих в соответствии с личными, корпоративными, национальными или любыми другими интересами. Все они возникают в процессе жизнедеятельности и способствуют изменению содержания соответствующих флуктуаций, вызывающих в обществе движение с разной направленностью и скоростью. Известно, что если на пути жидкости или воздуха возникает преграда, начинаются завихрения потоков в разные стороны, вызывающие бурление. Такие процессы весьма частые и в общественной жизни и порождают конфликтогенность в среде, где, как в водовороте, происходит "закипание" среды обитания, куда вовлекается всё большее число стран и народов, втягиваются всё новые и новые общественные силы, речь идёт о глобальном измерении. Водовороты конфликтов или даже войн возникают в случае наличия лобового сопротивления движению, которое возникает вблизи препятствия, преграждающего общее движение в определенном направлении.

В общественном развитии отдельных стран и целых регионов, а также их объединений уже не одно десятилетие наблюдалась ставшая традиционной приверженность к изменениям, имеющим глобализационный характер, что превратилось в своего рода закономерность. Всепроникновенность глобализации как мегатренда характеризуется, с одной стороны, уважением к правам и свободам человека, демократии во взаимоотношениях, а с другой – могуществом свободного рынка (Фукуяма, 2010), в котором ключевую роль играет торговля "как двигатель прогресса", поскольку торговля как один из инструментов глобализации мирового хозяйства наряду с научно-техническим прогрессом формирует интегрированные мировые рынки, в продвижении которых на путях либерализации торговли заинтересованы в первую очередь глобально организованные корпорации, которые на процессы зачастую воздействуют более мощно, чем правительства отдельных стран. Вместе с тем нормы демократии не абсолютизированы, как и принципы свободного рынка, а имеют серьёзные различия в зависимости от национально-цивилизационных признаков, и в человеческой природе их существование вполне естественно, в поведении же, соответственно, проявляется стремление к монополии. Это стремление сталкивается с естественными преградами, поскольку на этой почве возникает и развивается национальный протекционизм и экономический национализм, вызывающие – в силу естественной разнонаправленности – нерегулируемые флуктуации "завихрения" или "бурления" в отношениях.

Продвижение в глобальном измерении абсолютизированной непревзойдённости и могущества свободного рынка натолкнулось на неудачи

глобализации, породившие в качестве ответа всё более мощное стремление к национальному протекционизму и соответствующей защите национального бизнеса в соответствии с национальными интересами в виде ответа на вызовы со стороны транснационального капитала, усиливающего дальнейшую дерегуляцию глобальных рынков. Неудачи глобализации особенно обострились во время пандемии, когда вакцины против COVID-19 превратились в инструмент так называемого вакцинного национализма (Heyets, Lunina, Stepanova, 2002), что лишало миллионы людей в мире возможности вакцинироваться. Примеров такого негатива в современном мире предостаточно, и, как результат, возникает нестабильность – как своеобразный феномен современности (Геец, 2020), сформировавший барьеры экономическому росту и экономическому развитию. Первые признаки такого проявления были проанализированы и описаны более 20 лет назад (Геец, 2000а). Особенно важно, что такие тенденции получили развитие и раскрывались уже в качестве феноменального проявления нестабильности, охватившей общество, государство и экономику, что выражается в виде нарушения процессов распространения и использования интеллектуальных накоплений человечества путём формирования преград на пути их распространения (Геец, 2000а).

Согласно утверждению Дж. Стиглица в статье "Правильный подход к деглобализации", посвящённой итогам Давосского форума 2022 года, вся наша рыночная экономика показала отсутствие устойчивости. По его мнению, мы (как некая абстракция в виде производителей и потребителей. – В.Г.) мало заботились о будущих потребностях, поскольку инновации в виде "точно, вовремя" были замечательны, когда в экономике наблюдались незначительные потрясения. Но такого рода инновации в торговле и управлении обернулись катастрофой из-за нехватки предложений. И далее он указывает, что прошли те времена, когда казалось, что все работают на мир без границ, и теперь все признают, что некоторые национальные границы – ключ к экономическому развитию и безопасности (Stiglitz, 2022). Таким образом, соотношение глобального – как "мира без границ", достигающегося путём дерегуляции, и национального – как способа защиты национальных интересов путём протекционистских и дискриминационных мер – формирует задержки, остановки, нерегулируемые перемещения, приводящие к разнонаправленным флуктуациям и тем самым порождающим одну из основополагающих характеристик турбулентности в "новой реальности".

Результаты исследования С. Дж. Эвенетта и Дж. Фрида (Evenett, Fritz, 2021) на предмет соотношения дерегуляции на путях либерализации отношений и национального интервенционизма (протекционизма), то есть, например, вмешательства со стороны Китая, Европейского Союза и Соединённых Штатов в виде мер, защищающих национальные интересы путём осуществления интервенций, свидетельствуют, что в 2021 году протекционистские действия вышеуказанных стран в 5,2 раза превысили либерализующие интервенции. Естественно, это затормозило меры политики, способствующие прямым иностранным инвестициям, по данным вышеуказанных авторов, за период 2009–2021 гг. на 20 п. п. Таким образом, национальный протекционизм, в вышеуказанном смысле являющийся вмешательством, на самом деле выступает как проявление экономического национализма и носит характер протекционизма, приобретённого и

преобразовавшегося, и достигает масштабов уже своеобразной глобализации наоборот, то есть не "за", а "против".

Как следует из приведённого выше, имевшая место идеологема доминирования свободного рынка, по крайней мере с преобладающей динамикой развития решений "против", как оказалось, в реальности в одиночку не справлялась со всёвозрастающей диспропорциональностью и не обеспечила удовлетворительную динамику как роста экономики, так и распределительных отношений, в совокупности порождающих нестабильность как экономическую, так и политическую. Вместе они тормозят рост, и на их фоне формируются существенно усиливающиеся флуктуации и, соответственно, конфликты, которые, несмотря на колебания в генеральной тенденции, просматриваются как определённый мегатренд в период после войны 1941–1945 гг. По имеющимся данным, с 1946 г. по настоящее время конфликтность возрастает, хотя за двадцать лет – с 1992 г. по 2012 г. наблюдалось её существенное сокращение, но к настоящему времени, то есть за последние 10 лет, она достигла своего послевоенного максимума. В это же время, в частности с 2012 года, разрыв в регуляторных мерах относительно дискриминации и защиты национальных экономических интересов по сравнению с мерами относительно либерализации торговли и прямых иностранных инвестиций вырос почти втрое. В итоге, чем больше глобальных диспропорций, тем больше дискриминационных мер в пользу проявления экономического национализма, чем меньше инвестиций и торговли, тем больше конфликтов.

Конфликтность в вышеуказанном контексте носит характер не только межстрановой, но и межрегиональный, к ней прикладывают усилия крупные межрегиональные объединения, чьё формирование имеет очень длительную историю и, по сути, выглядит как мегатенденция.

Формирование влиятельных региональных образований глобального характера не только длительный процесс, но соответствует определённой закономерности, свойственной процессам формирования региональных систем цивилизационного характера, в частности, характерным как для древних и средневековых времён, так и для современных поколений типа восточно- и западнохристианской, мусульманской. Ещё задолго до нашей эры формировались и расширялись центры так называемых производственных хозяйств: Ближневосточный (X–VIII тысячелетие до н.э.), Юго-Восточноазиатский (VIII–VII тысячелетие до н.э.), Северокитайский (VI–V тысячелетие до н.э.) до н.э.), Мексиканский (VII–IV тысячелетия до н.э.), Андский (IV–II тысячелетие до н.э.) (Павленко, 2002) как региональные формирования глобального характера. Такие тенденции формирования со временем не остались неизменными по характеру, а их содержание постоянно менялось.

На сегодняшний день значительным по влиянию является объединение Европейского Союза (ЕС). В этом контексте лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц, как и многие другие, рассматривает ЕС как уникальный проект, важный не только для входящих в ЕС стран, но и как безоговорочный опыт, значимый для всего мира, воспользовавшись которым можно найти ответы на современные вызовы и угрозы, поскольку конфликты усугубляют нестабильность.

Для глобального развития важно сохранение стабильности, чему, в частности, способствует ЕС в социогуманитарной сфере. Речь идёт о гло-

бальной роли ЕС в предоставлении своего жизненного пространства для миллионов тех беженцев, которые являются жертвами региональных конфликтов, и тех, кто покидает страны из-за внутренних конфликтов и неупорядоченности в хозяйственной деятельности, когда уровень жизни становится несовместимым если не с самой жизнью, то по крайней мере с современным представлениям. Таким образом, образование и развитие ЕС как регионального формирования глобального характера является одним из важных центров мировой политики и экономики, а его функционирование на сегодняшний день является составляющей мегатренда, благодаря которому нестабильность получает обратную тенденцию, поскольку деятельность в среде стран, входящих в ЕС как участники сообщества, опирается на права человека и демократию. Это в известной степени гарантирует успех. Победа свободы и демократии в условиях объединения ЕС, при достаточно жестких критериях вступления в члены ЕС, ввиду общеевропейского "Лиссабонского договора", означает в целом начало нового этапа политической интеграции стран ЕС. Вместе с тем проблемы и здесь существуют, поскольку сегодняшний анализ эволюции ЕС свидетельствует о том, что в дальнейшем всё больше "союзный внешнеполитический авторитет и экономическую стабильность будут укреплять преимущественно вдоль параллели "Берлин-Париж", а не будут генерировать на брюссельских широтах" (Тюшка, 2010). А это значит, что ЕС всё увереннее может становиться на путь, который позволит некоторым странам получать собственные выгоды и возможности изменить баланс сил в свою пользу, поскольку внутренняя разнородность Европы, особенно в условиях усиления глобальной нестабильности, не ослабла, а отдельные страны – члены ЕС не смогли одолеть свое отставание.

Признаки кризиса ЕС из-за ограниченных возможностей дать ответы на экономические, социальные и политические вызовы будут проявляться, и не только по внутренним причинам. Имеет значение также усиление конкуренции и противостояния в среде и других глобальных региональных формирований со стороны США, Канады, Китая, Индии и других стран, а также противоречия с Россией и отдельными странами Евразийского экономического сообщества.

Усиление политики национального протекционизма в мире в условиях обострения внутренних противоречий в функционировании ЕС влияет на настроения населения его стран-членов. Так, согласно результатам опроса, итоги которого обнародованы 17 мая 2019 года, большинство европейцев считали, что ЕС развалится через 20 лет, а значительное количество опрошиваемых заявило, что война между странами ЕС станет реально возможной проблемой следующего десятилетия (Chloe, 2019). Эти результаты свидетельствуют, что ЕС как одно из региональных формирований глобального характера тоже формирует глобальную нестабильность, имеющую признаки внутренней и внешней турбулентности, ведь имеющиеся признаки нестационарного движения его составляющих в таком формировании, каким является ЕС, и это движение, не одно-, а многомерное, поскольку, кроме вышеназванных двух признаков нестабильности, третий – состояние граждан стран, входящих в ЕС. Как свидетельствуют опросы в ЕС, его граждане боятся потерять единство в вопросах безопасности и обороны и считают важным быть частью блока, который мог бы противостоять США и Китаю. К этому же добавляется такая прин-

ципиальная составляющая, как рост экономической неопределённости¹, на фоне экономического роста с достаточно низкими динамическими чертами. Как результат, только у трети немцев и четверти итальянцев и французов в конце месяца того времени, то есть в 2019 г., остались деньги на так называемые дискреционные расходы², которые можно рассматривать как осуществляемые согласно желанию или мотивации за пределами обязательных расходов, связанных с жилищно-коммунальными услугами, транспортными расходами, расходами на страхование, одежду, еду и т.д., что ещё больше обострилось в условиях российско-украинской войны. Пока прогноз роста экономики выглядит значительно хуже даже в апреле 2022 г. Мир скоро может оказаться на пороге глобальной рецессии, и в 2022 г. в странах с развитой экономикой ожидается инфляция 6,6 %. Шансы, что хотя бы у США не будет рецессии, очень малы. На момент написания статьи перспектива полного сокращения поставок газа в ЕС из России вызывает угрозы дефицита, дальнейшего повышения цен и негативного влияния на европейскую экономику.

Сейчас можно утверждать, что со стороны ЕС как одного из глобальных региональных образований существует риск углубления глобальной нестабильности, что является ещё одним вызовом и современности, и будущего развития на геополитической карте мира. И это при условии, что в этом регионе доминанции модели принципов демократии и свободы, как видим, недостаточно для достижения и соблюдения минимума в развитии, ориентируясь исключительно на принципы либерализма согласно утверждениям Ф. Фукуямы.

К региональным образованиям глобального характера, между которыми формируются точки напряжений, вызывающие нестабильность нынешнего глобального мира, прибавляются ещё несколько. Одна из них – Россия – страна, связывающая и продолжающая связывать свою субъектность с глобальным доминированием, прежде всего путём достижений в военной сфере, а также действует как глобальный игрок, обладающий стратегически значимыми для всего мира запасами природных ресурсов, прежде всего газа и многих других полезных ископаемых, и инфраструктурных возможностей и, соответственно, имеет интересы глобального характера и собственную политическую культуру.

По мнению доктора менеджмента, экономики и организации производства Политехнического университета Милана Серджио Мариотти, российско-украинская война является драматическим действием растущих диспропорций и нестабильности глобального, экономического и политического порядка. Война в Украине идёт рука об руку с другими проявлениями, сигнализирующими с достаточно высокой вероятностью на будущее о тяжёлой экономической и политической нестабильности и возможных масштабных, если не глобальных, конфликтах. Рассмотрев в своей статье проблему серьёзных международных дисбалансов, усиливших возрождающийся глобальный протекционизм, снижение темпов роста мировой экономики и даже реструктуризацию ценностей на фоне глобального протекционизма, он считает, что война в Украине "... является не чем иным, как проявлением драматических измене-

¹ Majority of Europeans 'expect end of EU within 20 years'. *Guardian*. 2019. 16 may. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/may/15/majority-of-europeans-expect-end-of-eu-within-20-years> (дата звернения – 28.05.2019).

² Ibid.

ний и нестабильности, происходящих в международных экономических отношениях ... (соответственно исходя из этого утверждения и анализа вышеупомянутых явлений и тенденций выдвинутой гипотезы. – В.Г.), созданием порочного круга между проявлениями протекционизма, усугублённого перспективами замедления мировой экономики, нарушением важнейших цепочек создания стоимости (например, связанных с энергией и продовольствием) и эскалацией военных конфликтов" (Mariotti, 2022). Масштабы конфликтности всё время расширяются.

Одной из точек напряжённости глобального характера является, в частности, Ближний Восток, который находится во внутреннем и внешнем противостоянии. Можно также говорить и о других зонах глобального противостояния, не менее напряжённых, поскольку во многих странах, например, Африки и Латинской Америки, достаточно внутренних конфликтов, которые одновременно имеют и глобальное измерение. Так, к началу 2022 года происходили вооружённые конфликты во многих регионах мира. По данным *Armed Conflict Location & Event Data Project (ACLTD)*, занимающейся сбором и изучением информации о военно-политических противостояниях почти во всех странах мира, определены топ-10 конфликтов по состоянию на февраль: в Эфиопии, Мьянме, Гаити, Колумбии, Йемене, Иране, Мозамбике, Афганистане, Кашмире (между Индией и Пакистаном), Армении (Нагорном Карабахе).

В мире продолжается мощный процесс глобальной регионализации среди и менее развитых динамично развивающихся стран. В частности, это:

- Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (*South Asian Association for Regional Cooperation, SAARC*);
- Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (*Association of Southeast Asian Nations, ASEAN*).

Традиционные глобальные региональные формирования не остаются стабильными, они трансформируются в соответствии с национальными интересами, тем самым усиливая свое влияние и проявляя "национальный эгоизм", который всё больше становится мегатрендом. В частности, США пересмотрели свои отношения с Канадой и Мексикой в направлениях, которые помогли бы укреплять позиции США в Североамериканском интеграционном объединении (США – Канада – Мексика) путём формирования USMCA³. Также в своё время США стремились реализовать стратегию отказа от трансатлантического партнёрства в сфере торговли и инвестиций через переход к прямым контактам с каждой страной, в частности ЕС. Против выступили Франция и Германия.

Итак, точек глобальной нестабильности достаточно много, поэтому конфигурация геополитической карты мира проблемна не только в краткосрочной, но и в средне- и долгосрочной перспективе. На основе вышеизложенного можно утверждать о достаточно устойчивой тенденции относительно новых характерных признаков деглобализации, которые по своей мощи и проблемности не только средне-, но и долгосрочные, и на горизонте пока не видно новых глобальных движущих сил, которые обусловят остановку роста региональных глобальных игроков, прилагающих усилия к их укреплению и к усилению конкуренции. В то же время каждый

³ Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada. *Government of the United States*. Retrieved November 30, 2018.

из них имеет в качестве основы своеобразную политическую и экономическую культуру с доминированием исторически обусловленных традиций и будет опираться на них.

Глобальный характер развития конфликтности актуализирует проблему социального качества (Social quality approach) для условий как послевоенного восстановления общества в странах, пострадавших от вооружённой агрессии, так и использования базовых компонентов концепции социального качества в отношениях между странами как одного из возможных инструментов, посредством которых и целесообразно, и необходимо искать пути перехода от конфликтности, имеющей турбулентность глобального характера, к отношениям, где доминирует ламинарная динамика, которая обуславливает добросовестную конкурентность в отношениях. Социальное качество как инструмент, учитывающий в своих базовых компонентах социокультурные особенности и характер их изменений, может формировать базу для необходимых решений в налаживании добродетельных конкурентных отношений. Последние могут быть одной из составляющих экономической политики, которая должна быть направлена на решение проблем нестабильности, имеющих экономическое измерение из-за усиления диспропорциональности, и политическое измерение из-за национального эгоизма и, соответственно, правительственного протекционизма. По нашему мнению, к поиску эффективных мер экономической и промышленной политики для решения указанных проблем по региональному протекционизму важно добавить и компоненты социального качества, поскольку идеология относительно всё большей степени монизации мира не дала ожидаемых (и желаемых) результатов в сфере экономики как в отдельно взятой стране, пережившей войну или вооружённый конфликт, так и в отношениях между отдельными странами, а также в среде стран, где такие отношения обострились (*Геець, Близнюк, Никифорок, 2022*).

2. Монизация и фрагментация мира

В идеологию монизации мира как такового, которой придерживается, в частности, Ф. Фукуяма, заложена кантовская методология разумной деятельности человека: человек благодаря этой своей способности выбирает ограниченные моралью решения, соответствующие свободе человека, действующего автономно, но согласно нравственной морали, которая монизует деятельность. Это своеобразные идеалистические восприятия и трактовка поведения человека. В реальности, например, в сфере экономики, конкурентные отношения, как и политика жёсткости в получении преимуществ, имеют место и периодически усиливаются, поэтому возникновение турбулентности никто не отменял. Как видим, на этом этапе они одерживают верх, хотя общечеловеческие ценности также никто не отрицал, иначе мир превратится в сферу борьбы всех против всех. А это была бы катастрофа, но социальная инклюзия и социальная среда при всём разнообразии культурных и социальных компонент, которые в результате процессов социализации глубоко интегрированы в сознание и включены в концепцию социального качества как компоненты политики наряду с социальной этикой, существенно сдерживают возможную катастрофичность в борьбе всех против всех. С течением времени представление о морали изменяется от страны к стране, от народа к народу, поскольку уровень знаний о жизни и природе различен из-за образованности одних и непроглядного равнодушия к образованию других. Представление о трактовке

свободы и способе её достижения является идеализированным, а на практике на микроуровне (для одного человека) и на макроуровне (для конкретной страны) действуют реальные интересы и цели, достижение которых морально обусловлено не кантовским пониманием морали. Кантовская утопия идеализированного представления о морали как способности достижения результата вызывает сомнение исходя из разноступенчатости, разноуровневости и разносодержательности свободного выбора. Последний основывается на знании и понимании, что является результатом разумной деятельности людей, имеющих разную историческую память и разные знания, на основе которых формируются ценностные ориентиры жизнедеятельности, а следовательно, и моральные ограничения, определяющие свободу выбора.

Глобализация как понятие была задолго до нашего времени. Исторический экскурс относительно этого выглядит как "история превращения локальных историй первобытных и постпервобытных обществ в региональную историю древних и средневековых этнических государств и империй, а затем на всемирную историю наций, национальных государств и образованных ими колониальных империй, которые связали человечество не только силой государственных форм контроля, но и создали новые "анонимные" системы власти: транснациональные организации и многонациональные корпорации" (Хелд, Гольдблатт и др. 2004). Последние дополнены (правда, не всегда) "мягкой", как её иногда называют, силой действия различных международных организаций, поставивших на повестку дня вопрос о существовании национального государства, его суверенитете и создании глобального управления. По поводу последнего Алан Сораль пишет, что "открыто высказывается требование установления "глобального управления", минуя одобрение самих граждан, требование "глобального управления" на развалинах наций как финальное разрешение кризиса, голода и войны" (Сораль, 2016).

Должны осознать, что глобализация в форме хаотизации без глобального управления существовать не может, иначе возникнет глобальный хаос. Если это утверждение признавать, то в реальности из-за того, что международные институты не справляются с вызовами времени и не обеспечивают эффективное решение проблем, накопившихся в результате интенсификации глобализации, в последнее время в противовес ей усилились процессы регионализации. В то же время актуализировалась реальная задача переформатирования роли международных организаций, которые могут претендовать на элементы глобальной системы управления, что не будет тормозить процессы глобализации, а наоборот, сделает её более эффективной. Как следует из указанного, процессы неоднозначны и нужно выяснить, можно ли преодолеть турбулентность благодаря глобальному управлению.

3. Глобальное управление турбулентностью

Рассмотрение глобального управления как инструмента снижения степени глобальной турбулентности не даёт ответа на вопрос: кто и каким образом задаст и затем будет диктовать условия деятельности и потребовать их выполнения в случае формирования и развития процессов глобального управления уже по изменённым функциям? По крайней мере, это касается и международных организаций, поскольку речь не идёт о всеуправляемости, когда стремление, естественное в этом направлении, меняется на есте-

ственный процесс регионализации как современного мегатренда. Раньше это было не что иное, как рудиментарный элемент территориального расширения, что в прошлом за счёт экспансионизма приводило к превращению некоторых государств в империи, которые со временем распадались.

Такой процесс преобразования достаточно хорошо описывает теория социальных конфликтов Р. Коллинза (*Collins*, 1975; 1986; 1998), охватывающая и исследование динамики региональных систем в глобальном масштабе. Согласно пятой аксиоме геополитической динамики Р. Коллинза, территориальная экспансия государства приводит к его чрезмерному расширению, а в дальнейшем влечет его распад. Таким образом, основываясь на теории геополитической динамики, можно утверждать, что попытка преодолеть цивилизационный раскол как между развитым миром и развивающимся миром, а также внутри самого развитого мира, на пути к глобализации, условия которой будут диктоваться в их предельно жёстком значении, не что иное, как путь не к консолидации и преодолению этого раскола, а в обратном направлении. Последнее подтверждается современным противостоянием, уровень турбулентности которого растёт.

Как показывает обобщение теоретических положений теории геополитической динамики Р. Коллинза, "международная система стабильна и сохраняет свою устойчивость до тех пор, пока ни одно из государств не видит ни собственной выгоды, ни ресурсных возможностей в изменении имеющегося баланса сил в свою пользу" (*Карякин*, 2010). Это, собственно, и означает социальность именно ламинарной динамики, достичь которую можно в условиях равноправной конкуренции. Противостояния, которое сегодня существует среди по крайней мере пяти главных национальных формирований глобального уровня, не придают устойчивости, а наоборот, приводят к дестабилизации с признаками усиления турбулентности.

Каждое из названных выше субрегиональных формирований глобального характера имело или имеет способность к саморазвитию и самоорганизации на основе отдельных, часто не очень похожих, моделей, что является результатом и политических, и экономических культур, опирающихся на исторические достижения национальных культур как имеющих и соответствующие исторические традиции.

Общим моментом для всех возможных и невозможных сценариев есть пространственно-региональные признаки, хотя у каждого из них собственная конфигурация, где с самого начала идёт борьба за лидерские позиции, что, как известно, соответствует тенденции глобальной регионализации, с выделением партнёров и определённых центров силы. Соответственно каждой стране, не претендующей на роль центра тяжести или ядра регионального объединения, необходимо определиться со своим местом в одном или нескольких регионах-конкурентах.

В глобальной региональной пространственной организации как складывающемся на будущее современном мегатренде специалисты по-разному строят новую региональную конфигурацию, но в каждой из них практически однозначно утверждается, что наряду с США и Западной Европой в Юго-Восточной Азии выделился Китай, который, как известно, сравнялся с США по потреблению ресурсов и наращивает своё влияние на будущее. Китай и Индия и в дальнейшем своём развитии потребуют больше ресурсов, прежде всего природных. Есть прогнозы, по которым Индия опередит Китай по динамике и масштабам ВВП. В результате до-

вольно быстро формируется новый конфликт интересов в борьбе за ресурсы, преодолеть который будет невозможно без нового инновационного подъёма, который опирался бы на экономное расходование ресурсов и массовое использование новых инновационных технологий. Далекую роль в инновационном развитии будут играть и технологии гуманитарного характера, которые реализуются через социальные инновации благодаря процессам социализации (Heyets, 2021). Без них будет очень тяжело и маловероятно существовать бесконфликтно. В то же время заметим, что наряду с усилением конфликтов интересов в среде новых глобальных игроков существует чрезвычайно глубокий и однозначно важный и для них, и для всех, находящихся вне региональных формирований, конфликт с планетой Земля, которая просто может не выдержать всё более антропогенную нагрузку. Борьба за обеспечение стабильности климата становится, много в чём, смыслом жизнедеятельности для всех, или по крайней мере для большинства.

Восточный проект глобализации мира, который формирует Китай с Индией, в отличие от западного, можно рассматривать как проект глобализации на основе подходов "мягкой силы". Проект "мягкой силы" имеет значение как глобальный региональный проект, в частности для обеспечения доминирования Азии в XXI веке как возможной стратегии установления нового глобального порядка. Он, согласно проведённым исследованиям, имеет ряд системных рисков. В частности, это:

- внутривосточная нестабильность и невозможность успешного импорта демократии при слабом среднем классе;
- ошибочные (банальные) представления об укреплении мира и стабильности в регионе за счёт импорта демократии (в том числе и военными средствами);
- конфликт между медленной демократизацией и потенциальной политической дестабилизацией;
- структурные риски, связанные с демографическим бумом, следствием чего являются проблемы с обеспечением продуктами питания, нехватка рабочих мест, пробелы в системе здравоохранения, рост преступности, наркомания, торговля оружием, разрушение окружающей природной среды, потенциальная межгосударственная напряжённость;
- бедность и проблемность с её преодолением;
- увеличение нагрузки на ресурсы, рост потоков беженцев, миграционный прессинг на Европу и Америку;
- стремительный рост потребности в энергии, разрушительное влияние этого процесса на окружающую среду и на климат, нарушение равновесия на мировых энергетических рынках, усиление конкуренции и рождение конфликтов на этих рынках;
- распространение эпидемий, понижение уровня здоровья местного населения и населения окружающих стран и регионов глобального мира;
- разрушение окружающей природной среды из-за экономического роста и урбанизации жизни, несущей загрязнение вод и воздуха, а также накопление мусора;
- отсутствие безопасности, терроризм и распространение оружия массового поражения (Зандшнайдер, 2004).

Несмотря на указанные риски системного характера, как замечает Э. Зандшнайдер, "для радикальных общественных преобразований в Азии

присуще тяготение к улучшению, а не отчаянное отстаивание достижений предыдущих поколений. Европейские поборники устоев вполне могли бы отрезать себе "горбушку" от инновативного каравая Азии" (*Зандшнайдер*, 2004. С. 99–100). Поэтому можно с уверенностью утверждать, что подход, характерный для "мягкой силы", может быть эффективным и там, где имеет место проект массовой вестернизации. Тем более индустриальное могущество европейских государств и компаний с имеющимися механизмами её глобального распространения помогает им не только получить для себя новые рынки, но и поддержать процессы постиндустриального развития на будущее, развивая, совершенствуя и распространяя индустриальные технологии и культуру управления, укрепляя тем самым своё влияние на Востоке, где стремительно развивается Китай, что подтверждает заключение профессора Д. Арричи: сегодня А. Смит находится в Пекине.

Конфигурация геополитической карты мира характеризуется возникновением и разноскоростным движением разнородных геоэкономических, цивилизационных, военно-политических и других формирований, которые находятся друг с другом в противоречивом взаимодействии, что порождает разнообразные коллизии, кризисные ситуации, резкие изменения в направлениях движения, свидетельствуя тем самым о существующей политической и экономической турбулентности

Мир сегодня формирует новое глобальное измерение на основе его переформатирования, в основе которого находится не доминирующая недобродетельная конкуренция, а углубляющего характера противостояние, среди основных признаков которого: асимметричность развития, неравномерность и турбулентность. Последняя для сохранения поступательного развития должна быть преодолена через механизмы балансировки интересов, для чего необходима и соответствующая система регулирования, способная этот процесс урегулировать не только методами, которые уже проработаны и предлагаются в сфере экономики и глобального стремления к глобальному управлению, но и теми, что доступны в сферах социологии, политологии, культурологии и психологии. Всё это в совокупности возможно для реализации путём социализации (*Геець*, 2020). Именно так преодолевается ограничение чисто экономического подхода по обеспечению развития общества, государства и экономики, потому что власть, в том числе за счёт того, что реализуется в системе глобального управления, действует одновременно как антивласть, **но, поскольку это формирует турбулентность, таким образом проявляется антивластность власти, в том числе в глобальном измерении, в органах, в известной степени уже олицетворяющих глобальное управление и являющихся своеобразной властью глобального измерения.**

4. Власть как антивласть

Власть как антивласть представляет в современном мире модель политического противоречия. С одной стороны, она характеризуется однонаправленностью политического действия, что ведёт к турбулентности со всеми вытекающими последствиями для власти, в том числе и негативного характера, а с другой — она направлена на сохранение и укрепление себя как власти. Суть такой разнонаправленности действий имеет глубокие корни, прежде всего в экономике, поскольку политически существует система власти, которая настроена на борьбу за голоса тех людей, которые имеют собственные экономические интересы, часто отличающиеся от интересов

тех, кто олицетворяет современную власть. Тем самым власть должна стоять на защите интересов тех, кто её выбирает, чтобы переизбраться, а также из-за различий экономических интересов должны защищать противоположные интересы "властвующих". Это относительно того, что внутри страны. Но такая ситуация и в глобальном управлении, поскольку голосуя в международных организациях, которые в определённой степени олицетворяются как органы власти в глобальной системе координат, представители власти отдельно взятой страны ориентированы на сохранение влияния национального государства, где существует борьба за голоса избирателей, но она же проявляет и национальный эгоизм, ставит корпоративные интересы выше всего. В результате власть одновременно должна существовать и для сохранения себя как власти и быть антивластью сама к себе. Это противоречие имеет признаки структурного, носящего системный характер и формирующий глубокий раскол между прошлым и современным, с одной стороны, и будущим – с другой. Возникает закономерный вопрос: почему или по каким причинам это противоречие стало носителем системных признаков структурного несоответствия (турбулентности)?

Ответ в "новой реальности" общественного развития, например, можно найти, в частности, в экономике последней четверти XX века и почти первой четверти XXI века, т.е. практически в период, охватывающий полувековую историю, обозначенную существенным снижением темпов экономического роста с середины 1970-х годов. При условии, когда динамика экономического роста в послевоенный период имела показатели экономического роста вдвое выше современных (сегодняшняя динамика роста получила название "растущей стагнации", хотя не все и не всегда согласны именно со "стагнацией"), указанное противоречие не имело той степени глубины, которая наблюдалась позже. Ведь высокий рост экономики одновременно позволял как удовлетворять интересы широких масс населения, используя и возможности государства общественного благосостояния, так и власть имущему населению давал возможность увеличивать свои доходы, прежде всего благодаря росту способов получения доходов от контроля над собственностью. С течением времени, с сокращением темпов роста, возможности государства общественного благосостояния начали достигать своих объективных границ в распределении доходов, что реально усиливало признаки нестабильности, а значит, турбулентности. В последнее время она достигла того уровня, когда начали говорить о социальной революции под влиянием радикальных популистов, призывая население отдавать им голоса, поскольку оно страдает расслоением и ростом незащищённости со стороны всё того же государства, то есть его власти. В то же время, контроль над собственностью помогает сохранить контроль над доходами на фоне сокращения удельного веса среднего класса, который является ядром стабильности и инновационной инициативности. Всё это формирует условия, когда власть вынуждена проявлять активность в противоречии с собой, потому что социальные противоречия могут привести к потере власти, если власть не будет вступать в противоречие сама с собой и тем самым будет ограничивать свои возможности и осуществлять контроль над доходами власть имущих внутри страны, а также в глобальном измерении, когда в экономике отдельно взятой страны тормозится экономический рост. Таким образом, у

существующей политической проблемы действия власти как антивласти одновременно в основном экономический фундамент.

В период стабильных и высоких темпов экономического роста в странах развитого Запада для широких масс населения экономическое процветание приносило и личную свободу, и повышение уровня жизни, особенно как для постоянно растущего среднего класса – генератора способности к развитию, так и для тех, кого защищало государство благосостояния.

В глобальном измерении происходило подобное по содержанию, хотя отличное по масштабам. Глобализация как процесс и участие в нём отдельных динамично развивающихся стран с успешно растущей экономикой ориентировалась на максимальное распространение во все годы динамичного роста.

В современном измерении ограниченность в динамике экономического роста и глобальная диспропорциональность приводит к расширенному использованию политических методов решения проблем отчуждения, а следовательно, уже и к политической турбулентности, характеристика которой пока не может быть определена по результатам достаточно точно и на краткосрочный период, а тем более в отдалённых временных пределах, усугубляя нестабильность как экономический и политический феномен современности. В этих обстоятельствах политическое измерение проблем находится именно в указанном выше противоречии властей, разрешение которого обусловлено преодолением циничности капитала. Таким образом, политическое измерение турбулентности, как и экономическое, – это ещё один из её фундаментальных признаков в новой реальности.

Циничность капитала проявляется прежде всего в том, что "...сущность капитализма – это война всех против всех, и большинство в этой войне проигрывает и остаётся ни с чем. Кто может помочь побеждённым? ...Религия и государство. Эти институты в новой ситуации должны компенсировать побеждённым их проигрыш, снять с них хотя бы частично бремя поражения и не дать погибнуть"⁴. В то же время причина массовости проигравших заложена в сути господствующей капиталистической системы, которая "... базируется на конкуренции частных интересов: конкуренции между индивидуумами, странами, между женщинами и мужчинами, (чёрными) и (белыми) и т.д. ... конкуренция может легко милитаризоваться. И тогда экономическая логика заменяется военной... капитализм – это в первую очередь забота о своём выживании, в принципе, это разумное поведение, основанное на отказе от жертвы и самопожертвования"⁵.

Борьба за выживание, конкуренция, недоверие, скепсис относительно происходящего и является путём формирования массы проигравших. В условиях охарактеризованного противоречия структурного характера, когда власть одновременно является антивластью, стремящейся всё-таки сохранить власть, не может ослабить напряжение, и возникает условие, когда жестокая конкуренция перерастает в конфронтацию, которая в современных условиях может не только дойти до прямого столкновения огня и меча, а приобретать другие различные формы современного противостояния, которые, в частности, получили название так называемые

⁴ Так считает Борис Гройс — доктор философии и известный теоретик искусства, который много лет живёт и работает в США, согласно его интервью Тихону Сысоеву: *Время глобальных исторических проектов закончилось. Эксперт*. 2019. № 15. С. 58.

⁵ Там же. С. 60.

мой гибридной войны. Из-за сужения возможностей разрешения конфликта между бедняками, поскольку одновременно растёт численность проигравших, и тем меньшинством, которое создаёт и выигрывает, так называемое разумное поведение ориентировано на выживание, сохранение и даже расширение возможностей получения выигрыша в конкурентной борьбе, что очень часто, в том числе и нами, связывается с "новым прагматизмом" как сознательным экономическим, социальным и особенно значимым, по нашему мнению, нравственным действием, то есть с учётом этических предпосылок совершения действий. В совокупности с учётом этической составляющей может формироваться достаточно целостная система действий, в которой учитывается трёхмерность совершения сделок и тем достигается достаточная целостность и стабильность. В таком триумвирате составляющих, позволяющих достигать устойчивости и беспристрастности в деятельности, одну из ключевых ролей, как было уже доказано, играет социализация (Геец, 2020) как способ перенесения общественного в становление и развитие способности к деятельности саморазвивающейся и саморганизовывающейся индивидуальности, совершая тем самым сознательное экономическое, социальное и, что очень важно, этическое действие, являющееся необходимым условием формирования именно ламинарной динамики развития как общества, так и государства и, конечно же, экономики.

5. Сознательное экономическое, социальное и этическое действие – добросовестная конкуренция

Способы формирования внутренних механизмов и стимулов развития личности путём её восхождения к деятельности как отдельного индивида в социальной организации, где общество, государство и бизнес будут взаимодействовать в системе равноправных отношений с голосующими субъектами, формировать новое социальное качество действия не только личности, но и в целом государства. Таким образом, социализация как способ овладения свободой деятельности на основе наличия, с одной стороны, возможностей и прав на саморазвитие и самоорганизацию, а с другой – способностей делает возможным преодоление неограниченной власти общества и государства (Бердяев, 1931) в отдельно взятой стране да и в межстрановых отношениях в рамках функционирования международных организаций как своеобразных органов власти в системе управления, что должно обеспечивать реализацию возможностей как для экономической, так и политической конкуренции.

Что касается имеющихся и используемых форм правления, то лучшая из них та, для которой характерны добросовестность и разум, о чём замечает Дж. Милль, а не рыночный эгоизм, доминирующий в неолиберальной доктрине, которая переживает всё большее отторжение в практическом смысле, тормозит и даже при определённых условиях отвергает космополитизм и универсализм философии глобального рынка, порождая протекционизм и эгоизм вместо этики в действиях, о содержании и роли которой было сказано выше. При этом рыночный эгоизм довольно часто может реализовываться и иррациональным способом, стремясь к монополизации деятельности, а не добросовестной конкуренции.

В деятельности людей, согласно Ф. Хайеку, во главу угла поставлено умственное начало взаимодействия и то же сотрудничество ума людей, которое, согласно Дж. Милля, органично сочетается с их добросовестностью.

В то же время можно утверждать, что у Ф. Хайека ключевую роль в осуществлении управленческих действий играют рыночные силы, а у Дж. Милля эффективно могут использоваться различные формы правления, где есть сотрудничество на основе добродетели, разума и этики как важнейших составляющих ценностного фундамента общества. На этом фундаменте и может строиться активность и общества, и государства, и экономики, а соответственно – и добросовестные конкурентные отношения, на основе которых достигается ламинарность в динамике развития.

Поскольку в современных условиях доминирование рыночных сил довольно часто доведено до абсурда, т.е. иррациональное, то "... капитал добывается путём замещения и уничтожения реальной экономики ... обогащение приводит к сбоям финансовой системы реального сектора экономики, что в свою очередь приводит к крупному накоплению собственности, ... поскольку основные политические меры в сфере экономики на самом деле поддерживают этот процесс"⁶ путём маркетингового безумия.

Можно утверждать, что для формы правления, при которой осуществляются, например, реформы, в том числе фундаментального характера, связанные с формированием глобальной системы управления, должно быть естественным сосуществование и сотрудничество добродетели, разума и этики поведения людей, прежде всего тех, кто совершает управленческие действия. В то же время, доминантная форма управления является результатом умственной деятельности людей, объединённых в общество, в том числе и глобальное. Объединение в институт государства – уже результат сознательного выбора людей на основе приобретённых ими знаний. Относительно государства это означает, что оно прежде всего должно носить характер "образованности". Благодаря этому есть или должны возникнуть добропорядочность и разум у людей, реализующих властные полномочия, в противоположность частым искажениям того же либерализма и меркантилизма на пути поиска экономической выгоды для руководящей элиты, тесно сотрудничающей с бизнесом и зависимой от него. Собственно, таким путём политики и максимизируют свой доход, получая политическую ренту. В результате политика приватизации, когда приватизируется и государство, предполагает бесконтрольное обогащение, с одной стороны, и обнищание – с другой, что едва ли не стало генеральной тенденцией развития в долгосрочном периоде времени, хотя уже можно утверждать о выживании среднего класса. Мы должны всегда помнить, что корпоративизм в процессе глобализации в дальнейшем может становиться уже сильнее как государства, так и органов власти глобального характера, обуславливая более высокую степень распределения среди людей по признакам дохода и контроля над собственностью.

Экономическая деятельность осуществляется в институционально оговоренных и социально признанных для каждой страны организационно-правовых нормах, которые в свою очередь тоже развиваются благодаря накоплению новых знаний. Организационно-правовые нормы не только институционально обусловлены, но и социально признаны для каждой страны, именно поэтому через институты социализации на уровне государств последнее должно обеспечивать выполнение и регулирование тех

⁶ Деривативи знищують реальну економіку. Інтерв'ю Press TV із професором Мішелем Чоссудовскі. URL: <http://mixednews.ru/archives/44097> (дата звернення – 04.07.2022).

функций, которые обуславливают институциональные составляющие процессов модернизации – экономическую и общественную.

Активность в системе управления то ли в государстве, то ли в глобальном измерении, органы, олицетворяющие власть, – это ограничение произвола вся и всех, одна из важных задач во все времена. Поэтому неслучайно нравственные постулаты А. Смита (*Смит, 1997*) Дж. Милль усугубил выводом о необходимости наличия в системе управления порядочности и разума наряду с рыночной средой, обусловленной функционально отлаженным порядком. Необходимость объясняется удовлетворением общественных потребностей, степень достижения которых является мериллом добродетели и разумности системы управления. Благодаря этому регуляторная система управления способствует такому экономическому росту, в котором имеют место добросовестные конкурентные отношения.

Опираясь на накопленные знания, индивид выстраивает рациональное поведение для достижения целей, однако он не может и не должен переступать моральный предел, по которому целевое направление к извлечению выгоды и накоплению богатства максимизируется. То же касается и государства, действующего в глобальной среде. Важно иметь "...возможность побеждать самое сильное стремление к себялюбию: более мощная сила, более активное побуждение действуют в подобных случаях. Этой силой есть разум, наша совесть, наш собственный наблюдатель в нашей душе, человек внутри нас, великий судья и оценщик нашего поведения" (*Смит, 1997. С. 150*).

Как видим, в основе утверждения А. Смита о поведенческих проявлениях индивида в борьбе с его эгоистическими проявлениями лежит разум. Его трактовка разума базируется на образованности, которая, по нашему мнению, трансформируется из "просвещённого деспотизма" в "социально-организованное рыночное хозяйство" на основе свободы и демократии, благодаря которым и разворачивается пространство социализации личности, что является эндогенным фактором модели экономического роста (*Heyets, 2021*).

В этом заложено глубочайшее содержание современной социализации как публичной, так и экономической жизни, на всех уровнях управления, а также отдельного индивидуума. Это основа на пути к миллевскому пониманию хорошего управления, в котором на определённом этапе играл роль "просвещённый деспотизм", а в современности его роль принимает на себя "просвещённое государство", которое должно решать дилемму современной социализации во всех её проявлениях, идя путём достижения через разумную умеренность к добросовестной конкуренции.

"В мире... происходят эпохальные перемены. Экономические модели роста, геополитическая картина мира, связывающие людей социальные договоренности, экосистема нашей планеты — все одновременно подвергаются радикальным преобразованиям, вызывающим тревогу и беспорядки во многих странах мира... в конечном счёте путь к устойчивому росту нуждается не только в новой политике, но и новом образе мышления" (*Schwab, 2014*). Это означает, что без миллевских порядочности и разума успешность будущего сомнительна, и это ещё одна особенность современности, которая может развиваться непрерывно благодаря процессам социализации, которые получают всё больше возможностей для активизации.

Социализация в современном обществе прочнее всего связана с тем, что общество понесло значительные социальные потери и либеральная рыночная ориентация, как оказалось, по сути является не только социально не нейтральной, а нередко и социально агрессивной моделью рынка, обедняющей огромные массы населения, народы и отдельные страны. В результате часто присвоение, прибыль и богатство достигают такого предела, когда экономическая деятельность, искажая природу, формируя чрезмерную имущественную дифференциацию, безвозвратно разрушает природу. То есть пилим ветку, на которой сидим. Наряду с этим также происходит процесс присвоения государства – не только за счёт примитивного хищения его ресурсов, но и монопольного контроля как за большей частью ресурсов целых стран, так и за властными полномочиями органов управления. Всё это искажение – результат доминирования рыночного фундаментализма.

Исключительная экспансия либерально-демократической (вместо социально-либеральной) доктрины существования государства и организации деятельности бизнеса, в конечном счете, приводит, с одной стороны, к чрезвычайному расслоению среди людей, а с другой, как отмечает Вандана Шива, - экономический рост, которого безудержно желают экономисты, бизнесмены и политики, уничтожает жизнь (Shiva, November 01, 2013). Всё это результат пока ещё отсутствия практики необходимого большого прагматизма, где "... как можно меньше идеологии, как можно больше прагматизма..." (Колодко, 2011), благодаря которому речь пойдёт не о традиционной оценке результатов экономической деятельности по приросту ВВП, а о достижениях гармонии в развитии общества, государства и экономики путём уравнивания положения дел в экономическом и общественном смысле, что в экономической деятельности сопровождается добросовестной конкурентностью на указанных выше принципах.

В практической же плоскости, по словам профессора М. Чоссудовского из Центра исследований глобализации в Монреале, не благодаря развитию реальной экономики, а официально оформленному хищению, манипуляции и спекуляции реализуется возможность богатеть богатым, что приводит к противоречиям и даже потрясениям и пока что в том числе и вооружённым конфликтам.

Это обусловлено существующим кризисом системного характера, в борьбе с которым не достигнуты большие успехи, поскольку, по мнению М. Фабера и др., глобальная экономика сегодня хуже, чем в 2008 году⁷, и говорить о подъёме мировой экономики еще рано⁸.

Начало стабильного и длительного подъёма откладывается на 2030-е годы, когда будут массово применены технологии прежде всего VI и VII технологических укладов. По сегодняшним оценкам, они могут порождать и немало проблем, угрожающих существованию человека непонятными последствиями и "достижениями" в сфере социальных технологий будущего, что в ряде случаев ставит на повестку дня вопрос фундаментального зна-

⁷ Фабер М. Глобальная экономика сегодня хуже, чем в 2008 г. URL: <http://smartlab.ru/company/aforex/blog/150141.php>. (дата обращения: 25.07.2022).

⁸ См. раздел например: материалы сессии Проекта ООН LINK. URL: <http://www.chass.utoronto.ca/link>, а также ряд других материалов, относящихся к торговым войнам глобального характера и их негативным последствиям для мировой экономики.

чения будущей трансформации капиталистического устройства мира (Мейсон, 2016) под влиянием технологических изменений, существенно изменяющих процессы взаимодействия в среде как производственных, так и общественных отношений. Поэтому речь идёт о модели посткапитализма, реализация которой может быть осуществлена в результате технологической революции последних десятилетий, которая ни по масштабам, ни по результатам далеко не закончена. По сути, во многом мы находимся только в начале пути, который обозначен ростом противостояния, в котором конкуренция перерастает в войну, а не наоборот.

На пути преодоления бедности, которую порождают конфликты и войны, важно "...восстановить настоящее богатство, необходимо разработать другие критерии оценки, которые находились бы за пределами глобального супермаркета. Мы должны помнить, что настоящая валюта жизни – это сама жизнь" (Shiva, November 01, 2013). А поскольку собственно жизнь протекает в общественном и экономическом измерениях благодаря выполнению функциональных обязанностей, государству для реализации того или иного сценария важно иметь признаки того общественного устройства, на который ориентировано население. Этим и должна определяться степень государственного присутствия в процессах, происходящих при сознательном выборе людей тех форм правления, к которым они стремятся, в том числе и в межгосударственных отношениях.

Таким образом, необходимо найти ответ и на вопрос, как должно вести себя государство, когда возник запрос на изменение его модели, особенно в условиях трансформации. Согласно постулату Дж. Милля, оно обязательно должно вести себя благородно, а также исходить из позиций образованности, что позволяет самостоятельно, опираясь прежде всего на собственные силы, пытаться решать задачи как модернизации в общественном и экономическом измерениях, так и, что особенно важно, послевоенного восстановления и реконструкции

Для удачливости и стабильности современного капитала в его модель необходимо заложить возможность сотворения новой социальной действительности. Суть последней направлена на то, чтобы благодаря своим возможностям увеличить добавленную стоимость производства с использованием инновационных технологий на основе достоинства, что будет определять и соответствующие конкурентные отношения как между государством, так и в бизнесе. Тем самым знания гуманитарного характера усиливают производительную силу труда. Таким образом, производственная функция получает свою новую расширенную трактовку, поскольку в процессе современного формирования взаимодействия труда и капитала её классическая значимость изменяется. Новая, более широкая трактовка реализуется благодаря соответствующей социальной технологии (социализации), сформированной на основе научного знания гуманитарного характера, что повышает значение социального капитала, способного успешно капитализировать творческую деятельность людей. Собственно, по нашему мнению, идеологическая установка своего времени в системе управления добродетели и разума приобретает небывалую практическую значимость и в экономической деятельности.

Теоретический анализ и многолетний практический опыт доказали успешность позиций того, что деятельность разума человека позволяет продуцировать новые знания, тем самым усиливать производительную си-

лу труда, а рынок сам по себе имеет ограниченные возможности. В контексте упомянутой выше дискуссии обратим внимание на то, что во время неё часто не учитывают одну важную деталь. В своё время Д. Юм утверждал, что "правила морали не являются следствием нашего разума" (Юм, 1965). Ключевое в этом утверждении словосочетание "не является следствием нашего разума" будто подталкивает нас к пониманию того, что изобретения человека относятся к результатам проявления творческих начал рыночными силами, есть и конкурирующие между собой, на самом деле, по нашему мнению, такие силы формируются в процессе социализации личности как фактора эндогенной модели экономического роста.

Но оставим на время этот момент в высказывании Д. Юма и вспомним о "правилах морали". Правила морали – это далеко не категория чувств, которая является продуктом соответствующих органов человека в понимании Д. Юма, поскольку о них можно и необходимо говорить в смысле так называемого двойного характера общественной жизни, когда, согласно трактовке М. Кризье, социальные регуляции выражают мнение общества, представленные через выполнение правил, устанавливаемых писаными, неписаными или принятыми по привычке и индивидуализируемыми элементами свободного предпринимательства, которые, по нашему мнению, и овладевают в процессе социализации личности. Последнее помогает взрослому человеку, согласно гипотезе Л. Кольберга из сферы психологии, создавать свои нравственные стандарты на принципах, которые он сам рассматривает и воспринимает как непосредственно значимые, но не независимо от мнения общества, о чём Л. Кольберг отмечает дальше, а в совокупности, по предположению М. Кризье, социальных и индивидуальных элементов, взаимодополняющих друг друга и, в зависимости от состояния дел на той или иной стадии развития, даже равнозначных⁹.

Учитывая такое толкование социальных и индивидуальных элементов, правила морали одновременно имеют внутреннее – индивидуальное – и внешнее по отношению к индивидууму общественное (социальное) измерение. Последнее же является внутренним по отношению ко всему обществу, что характерно для каждой страны. На этом пути возможен поиск ответа на вызов современности, о которых уже говорили.

Есть все основания утверждать, что в психологическом восприятии моральных стандартов и правил по принятым в обществе принципам человек зависит от степени развития собственных способностей, реализуемых через творческую способность разума, иначе каждый человек создавал бы стандарты и правила как однозначные и усреднённые и никакого устойчивого развития прогресса, на который ориентирован новый прагматизм, не было бы.

Вызовы развития в недетерминированных системах не детерминированы. В экономике – тоже. Поэтому для достижения лучших результатов вызовы развития должны быть определённым образом интерпретированы, ибо распознавание образа будущего в результате саморегулирования отнюдь не обязательно, а скорее наоборот. Это создаёт лишь иллюзию состояния равновесия, диспропорциональность отнюдь не преодолевается и может увеличиваться, поскольку постоянно появляются "чёрные лебеди" (Талеб, 2015).

⁹ BRITANICA. Настольная энциклопедия. Т. 2. Москва: АСТ. 2006. С. 1236.

Учитывая, что будущее в недетерминированных системах непредсказуемо, ведь в противном случае мы бы этим уже воспользовались, и, определив будущее в состоянии непредсказуемости, мы видим задачу прогноза не в том, чтобы он сбылся, а в том, чтобы способствовать достижению определённых целей. Такое предвидение полезно во всём, потому что помогает уберечься как от чрезмерного оптимизма, так и от крайнего пессимизма, тем самым снизив степень рискованности в принятии решений. Таким образом, прогноз как предварительное суждение о будущем состоянии экономики как системы будет формировать условия снижения потерь от возможных нестабильностей, кризисов и неэффективных решений. Как результат – более равномерное распределение рисков и повышение состояния противодействия или возникновения нестабильности. В случае дестабилизации возможен выбор ориентированных решений, направленных на развитие и те вызовы развития, на которые нужно дать ответ. В таких условиях прогнозирование формирует для запуска или интенсификации механизма саморегулирования рынка на основе добросовестной конкуренции информационную базу системы по состоянию экономики в будущем и, если не предотвращает кризисы, то смягчает их последствия.

В глобальном измерении можно в свою очередь говорить о появлении наднациональной демократии, основывающейся на принципах новой экономической прагматики, таких как:

- ориентация в правилах на понижение конфликтогенности;
- обязательность международных консультаций;
- уважение к высшим ценностям современной цивилизации;
- уважение к национальному суверенитету;
- присутствие неправительственных организаций;
- компромиссность между частными и общественными интересами;
- единство в разнообразии;
- обеспечение ценностей и диверсификации;
- обязательность решений международных форумов;
- возможность принуждения к исполнению.

Таким образом, охвачены и национальный, и наднациональный уровни практического подхода к решению современных вызовов, возникших на пути обеспечения социально-экономического развития в обществах, государствах и глобальном развитии в целом.

Литература

1. Бердяев Н. А. (1931). О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Современные записки. 318 с.
2. Гець В. М. (2000а). Нестабільність та економічне зростання. Київ: Ін-т економ. прогноз. НАН України. 344 с.
3. Гець В. М. (2020). Феномен нестабільності – виклик економічному розвитку / ДУ "Інститут економіки та прогнозування НАН України". Київ: Академперіодика, 2020. 456 с. <https://doi.org/10.15407/akademperiodyka.403.456>
4. Гець В. М. (2020). Соціалізація та соціальні інновації у розвитку економіки. *Економічна теорія*. No 4. С. 5–24. <https://doi.org/10.15407/etet2020.04.005>
5. Гець В. М. (2021). Соціалізація і її успішність у моделі осягнення розвитку соціально-го світу. *Економічна теорія*. No 4. С. 5–40. DOI: <https://doi.org/10.15407/etet2021.04.005>
6. Гець В., Близнюк В., Никифорок О. (2022). Актуальні аспекти політики соціальної якості в постконфліктній економіці України. *Економіка України*. № 6. С. 3–22. <https://doi.org/10.15407/economyukr.2022.06.003>
7. Грищенко А., Бурлай Т. Вплив цифровізації на соціальний розвиток. *Економічна теорія*. 2020. No 3. С. 24–51. <https://doi.org/10.15407/etet2020.03.024>

8. Зандшнайдер Э. (2004). Азиатские амбивалентности. *Internationale Politik*. № 5. С. 95–99.
9. Карякин В. (2010). Геополитическая динамика Р. Коллинза и современность. *Свободная мысль*. № 1. С. 163–172.
10. Колодко Г. В. (2011). Мир в движении: пер. с пол. Ю. Чайникова. Москва: Магистр. С. 423.
11. Липов В. В. (2022). Суперечності віртуальної конкуренції як результат алгоритмізації управління на цифрових платформах: інституційний контекст. *Економічна теорія*. No 1. С. 26–44. DOI: <https://doi.org/10.15407/etet2022.01.026>
12. Мейсон П. (2016). Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. Москва: Ад Маргинем. 396 с.
13. Павленко Ю. В. (2002). История мировой цивилизации. Философский анализ. Киев: Феникс. С. 46.
14. Смит А. (1997). Теория нравственных чувств. Москва: Республика. 352 с.
15. Сораль А. (2016). Понять Империю. Грядущее глобальное управление или восстание наций? Москва: Академический проект. С. 204.
16. Талеб Н. Н. (2015). Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. Москва: Азбука-Аттикус, КоЛибри. 736 с.
17. Тюшка А. (2010). Німецько-французька школа політичного лобі чи директорат меншості у ЄС? *Дзеркало тижня*. Вип. № 46. 10- 17 грудня. С. 5
18. Фукуяма Ф. (2010). Конец истории и последний человек. Москва: АСТ: АСТ Москва: Политграфиздат. 592 с.
19. Хелд Д., Гольдблатт Д. и др. (2004). Глобальные трансформации. Политика, экономика, культура: пер. с англ. В. В. Сапова. Москва: Практика. С. 45.
20. Юм Д. (1965). Сочинения: в 2-х т. Т. 1. Москва: Мысль. С. 604.
21. Chloe T. (2019). Majority of Europeans think the EU will fall apart within 20 years, study finds. URL: <https://www.cnn.com/2019/05/17/majority-of-europeans-think-the-eu-will-fall-apart-within-20-years.html> (дата обращения – 20.05.2019).
22. Collins R. (1975). *Conflict Sociology*. New York.
23. Collins R. (1986). *Weberian Sociological Theory*. New York. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511557682>
24. Collins R. (1998). *The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change*. Ithaca.
25. Evenett, S. J. & Fritz, J. (2021). Advancing Sustainable Development With FDI: Why Policy Must Be Reset. The 27th Global Trade Alert Report. Centre for Economic Policy Research, London. 127 p.
26. Heyets V. (2021). Endogenous Social Progress as a Source of Economic Growth. *Ekonomista*. Nr. 1. P. 167–181. URL: http://www.pte.pl/pliki/1/8905/Ekonomista_21-1_167-181.pdf; DOI: [10.52335/dvqigiykfff6](https://doi.org/10.52335/dvqigiykfff6)
27. Heyets, V., Lunina, I. & Stepanova, O. (2021). The formation of fiscal space while overcoming vaccine nationalism and ensuring sustainability of development. *Science and Innovation*, 17(1), 29–41. <https://doi.org/10.15407/scine17.01.029>
28. Mariotti S. (2022). A warning from the Russian–Ukrainian war: avoiding a future that rhymes with the past. *J. Ind. Bus. Econ.* <https://doi.org/10.1007/s40812-022-00219-z>
29. Schwab K. (2014). The Global economy in 2014. World Economic Forum. Project Syndicate. 13.01.2014. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/klaus-schwab-warns-that-the-world-is-entering-an-era-of-diminished-expectationsand-increased-uncertainty> (дата обращения: 14.12.2021).
30. Shiva V. (November 01, 2013). How economic growth has become anti-life. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/nov/01/how-economic-growth-has-become-anti-life> (дата обращения – 23.03.2019).
31. Stiglitz J. (2022). Getting deglobalisation right. This year's gathering of business and political elites in Davos recognised a basic truth – without reckoning with past mistakes. 7th June. URL: <https://socialeurope.eu/getting-deglobalisation-right>

Поступление в редакцию 1 августа 2022 г.

Рецензирование 15 августа 2022 г.

Подписано в печать 30 сентября 2022 г.

References

1. Berdyaev, N. A. (1931). About the appointment of a person. Experience of paradoxical ethics. Paris: *Sovremennye zapiski* [in Russian]
2. Heyets, V. M. (2000). Instability and economic growth. Kyiv: *In-t ekonom. prohnnoz. NAN Ukrainy* [in Ukrainian].
3. Heyets, V. M. (2020). The phenomenon of instability is a challenge to economic development / Institute of Economics and Forecasting of the National Academy of Sciences of Ukraine. Kyiv: *Akademperiodika*. <https://doi.org/10.15407/akademperiodyka.403.456> [in Ukrainian].

4. Heyets, V. M. (2020). Socialization and social innovations in economic development. *Ekon. teor. – Economic theory*, 4: 5-24. <https://doi.org/10.15407/etet2020.04.005> [in Ukrainian].
5. Heyets V. M. (2021). Socialization and its success in the model of achieving the development of the social world, *Ekon. teor. – Economic theory*, 4: 5-40. <https://doi.org/10.15407/etet2021.04.005> [in Ukrainian].
6. Heyets, V., Blyzniuk, V., Nykyforuk, O. (2022). Actual aspects of the policy of social quality in the post-conflict economy of Ukraine. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 6, 3-22. <https://doi.org/10.15407/economyukr.2022.06.003> [in Ukrainian].
7. Grytsenko A., Burlai T. (2020). The impact of digitalization on social development. *Ekon. teor. – Economic theory*, 3: 24-51. <https://doi.org/10.15407/etet2020.03.024> [in Ukrainian].
8. Zandschneider, E. (2004). Asian ambivalences. *International Politics*, 5: 95-99 [in Russian].
9. Karyakin, V. (2010). Geopolitical dynamics of R. Collins and modernity. *Svobodnaja mysl - Free thought*, 1, 163-172 [in Russian].
10. Kolodko, G. V. (2011). World in motion: per. from the floor Y. Chaynikova. Moscow: Magistr [in Russian].
11. Volodymyr Lypov (2022). Contradictions of virtual competition as a result of algorithmization of management on digital platforms: institutional context *Ekon. teor. – Economic theory*, 1: 26-44 DOI: <https://doi.org/10.15407/etet2022.01.026> [in Ukrainian].
12. Mason, P. (2016). Postcapitalism. Guide to our future. Moscow: Ad Marginem [in Russian].
13. Pavlenko, Yu. V. (2002). History of world civilization. Philosophical analysis. Kyiv: Fenyks [in Russian].
14. Smith, A. (1997). Theory of moral feelings. Moscow: Republic [in Russian].
15. Soral, A. (2016). Understand the Empire. The Coming Global Governance or Rise of Nations? Moscow: Akademicheskij proekt [in Russian].
16. Taleb, N. N. (2015). Black Swan. Under the sign of unpredictability. Moscow: Azbuka-Attikus, KoLibri [in Russian].
17. Tiushka, A. (2010). German-French school of the political lobby and directorate of the minority in the EU? *Dzerkalo tyzhnia – Tizhnya mirror*, 46: 10-17, 5 [in Ukrainian].
18. Fukuyama, F. (2010). The end of history and the last man. Moscow: AST: AST Moscow: Politgrafizdat [in Russian].
19. Held, D., Goldblatt, D. et al. (2004). Global transformations. Politics, economics, culture: per. from English. V. V. Sapova. Moscow: Praxis [in Russian].
20. Hume, D. (1965). Works: in 2 volumes. T. 1. Moscow: Mysl [in Russian].
21. Chloe, T. (2019). Majority of Europeans think the EU will fall apart within 20 years, study finds. Retrieved 20.05.2019 from: <https://www.cnn.com/2019/05/17/majority-of-europeans-think-the-eu-will-fall-apart-within-20-years.html>
22. Collins, R. (1975). Conflict Sociology. New York.
23. Collins, R. (1986). Weberian Sociological Theory. New York. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511557682>
24. Collins, R. (1998). The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. Ithaca.
25. Evenett, S. J. & Fritz, J. (2021). Advancing Sustainable Development With FDI: Why Policy Must Be Reset. The 27th Global Trade Alert Report. Centre for Economic Policy Research, London. 127 p.
26. Heyets, V. (2021). Endogenous Social Progress as a Source of Economic Growth. *Ekonomista*. Nr. 1. P. 167–181. Retrieved from http://www.pte.pl/pliki/1/8905/Ekonomista_21-1_167-181.pdf; DOI: 10.52335/dvqjgykfff6
27. Heyets, V., Lunina, I. & Stepanova, O. (2021). The formation of fiscal space while overcoming vaccine nationalism and ensuring sustainability of development. *Science and Innovation*, 17(1), 29–41. DOI: <https://doi.org/10.15407/scine17.01.029>
28. Mariotti, S. (2022). A warning from the Russian–Ukrainian war: avoiding a future that rhymes with the past. *J. Ind. Bus. Econ.* <https://doi.org/10.1007/s40812-022-00219-z>
29. Schwab, K. (2014). The Global economy in 2014. World Economic Forum. Project Syndicate. 13 01.2014. Retrieved 14.12.2021 from <http://www.project-syndicate.org/commentary/klaus-schwab-warns-that-the-world-is-entering-an-era-of-diminished-expectationsand-increased-uncertainty>
30. Shiva, V. (November 01, 2013). How economic growth has become anti-life. *The Guardian*. Retrieved 23.03.2019 from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/nov/01/how-economic-growth-has-become-anti-life>
31. Stiglitz J. (2022). Getting deglobalisation right. This year's gathering of business and political elites in Davos recognised a basic truth – without reckoning with past mistakes. 7th June. Retrieved from <https://socialeurope.eu/getting-deglobalisation-right>

Received by the editors on August 1, 2022.

Reviewed August 15, 2022

Signed before printing on September 30, 2022